

УДК 94(348.71)

РАЗВИТИЕ КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В 1855–1862 гг.

В.П. Янин

Раскрываются различные аспекты кыргызско-русских отношений в 1855–1862 гг.

Ключевые слова: подданство; зякет; манапы; кыргызские племена; русские войска; отношения.

Процесс присоединения кыргызских племен, начавшийся еще на рубеже 40–50-х гг. XIX в., стал приобретать реальные черты только с момента непосредственных контактов влиятельных манапов с местной российской администрацией. Поэтому, хотя в 1855 г. бугу – первые из кыргызских племен – приняли российское подданство, на самом деле это было во многих отношениях декларативным актом. Генерал-губернатор Западной Сибири Дюгамель справедливо отмечал, что “я пришел к тому убеждению, что изъявления покорности того или другого племени (кыргызов – *В.Я.*) ничего не значит до тех пор, пока мы не будем в состоянии оказать им действительную защиту; а для этого нужно прочно устроить границу рядом укреплений, постов и впоследствии поселений” [1, с. 277]. Еще раньше штабс-капитан Венюков утверждал, что “богинцы и часть сарыбагышей состоят в нашем подданстве, но вовсе нами не управляются и только прибегают к нам изредка для разбирательства ссор” [2, с. 157].

Как говорили сами кыргызы (бугу) в 1853 г., объясняя свои взаимоотношения с казахами: “Мы обыкновенно берем друг у друга, ссоримся, продаем между собой то, что попадает в руки, а после опять сходимся миролюбиво, и это так у нас ведется не с нынешнего и не с прошлого года, а от самой древности и есть обычай, оставленный нам от наших предков” [1, с. 158].

Необходимо отметить, что вопрос о взаимоотношениях кыргызов с казахами в момент присоединения севера Кыргызстана к России приобрел первостепенное значение, так как являлся одним из важных аспектов военно-политических отношений России с Кокандским ханством и Цинской империей в этот период.

Положение казахов и кыргызов в 50-х гг. XIX в. не было идентичным: если казахов более или менее российская администрация контролировала,

стараясь не допустить их нападений на подданных других государств (Коканд и Китай), то кыргызы, постоянно подстрекаемые кокандцами, регулярно совершали набеги на казахов, что с учетом нерешенного вопроса о разграничении между Россией и Кокандским ханством создавало крайне нестабильную обстановку в регионе и приводило к ответным действиям русских войск по отношению к кыргызам, что, безусловно, еще больше сближало манапов с кокандцами. В мае 1858 г. генерал-губернатор Западной Сибири Гасфорд писал, что “...кокандцы и неподвластные нам дикокаменные киргизы и прежде приходили и впредь будут приходить барантовать наших киргиз Большой Орды, пока мы не овладеем верховьями р. Чу и в особенности городом Пишпекком” [3, л. 255]. Как отмечал Венюков в 1859 г., “...и нам дикокаменные (кыргызы – *В.Я.*) не будут союзниками, а напротив врагами, ибо мы им препятствуем наживаться за счет киргизов Большой Орды (казахов – *В.Я.*)” [4, л. 13].

После принятия российского подданства в январе 1855 г. Боромбай, потерпев поражение от сарыбагышей, просил помощи у китайцев, хотя уже являлся подданным России [5, с. 98]. Однако только получив отказ, отправил в августе 1855 г. Качибека Шералина в Верное к приставу казахов Старшего жуза с просьбой о помощи [6, с. 152]. В письме Боромбай высказал желание иметь у себя в кочевьях укрепление и русский отряд для защиты от сарыбагышей [1, с. 185]. В ответ на эту просьбу был послан отряд хорунжего Лутшева (40 казаков), который прибыл на о. Иссык-Куль к середине сентября и срыл только что воздвигнутое кокандское укрепление, построенное при помощи кыргызов [6, с. 154]. После чего бугинцы предложили совместными силами разгромить сарыбагышей, но Лутшев отказался от этой затеи [6, с. 154]. Он также провел переговоры с сарыбагышами, которые

на вопрос, хотят ли они мира с бугу, сказали, что да, хотят, так как они и сами являются подданными России [7, с. 60]. Но, как только русский отряд ушел, сарыбагыши напала на бугу и нанесли им тяжелое поражение [7, с. 61]. Выполняя указание генерал-губернатора Гасфорда, Лутшев не остался на зиму в кочевьях, как того хотел Боромбай [7, с. 62]. Однако, чтобы поддержать свих новых подданных, Хоментовский в письме предупреждает Уметалы, что “еще один неприглядный поступок против бугу с его стороны, и тогда русские заставят сарыбагышей дорого заплатить за это” [1, с. 189].

Вступление бугу в подданство России вызвало озабоченность и у других северных кыргызских племен. Так, осенью 1855 г. на всякий случай Джангарач (солто) напоминал, что “род султы, отделения Булекпай и Талкан, 3 или 4 года уже подданные Русского Государя” [7, с. 66]. Как видно из письма, маняп сам точно не знает, когда он стал подданным России (кстати, официально он так никогда и не станет российским подданным).

В начале 1856 г. Джангарач и Джантай (сарыбагыш) в письме пытаются убедить российские власти, что это не они в конце 1855 г. угнали русский табун и вновь называют себя русскими подданными, добавив под конец: “Чья земля, мы того и подданные” [8, л. 60–61]. Хотя в результате погони произошла серьезная стычка, в которой было убито около 50 кыргызов (солто рода Булекпай) и отбито много скота [9, л. 21]. В то же время в аилах Уметалы были убиты 7 кокандских зякетчи (сборщиков налогов – В.Я.), за что Уметалы и Тёрёгельды некоторое время провели в заключении в крепости Мерке [7, с. 74]. После этого инцидента кокандцы стали подбивать солто совершать набеги на сарыбагышей. В марте 1856 г. Уметалы обращается к Хоментовскому с просьбой о примирении с бугу и жалуется на казахов Старшего жуза, угнавших у него скот [1, с. 194]. Положение Уметалы стало тяжелым: конфликты с бугу, солто, казахами и кокандцами заставили его в начале августа этого же года просить Хоментовского прислать русский отряд для помощи в борьбе с солто [7, с. 74]. В начале лета 1856 г. на о. Иссык-Куль прибыла экспедиция Хоментовского с целью защиты бугу от сарыбагышей по просьбе Боромбая. Однако когда отряд пришел в кочевья, Боромбай уже стал просить не строить укрепление, опасаясь водворения русских в котловине [1, с. 199]. Вскоре он сообщил “по секрету” Хоментовскому, что не пользуется влиянием среди бугу [1, с. 205]. Подтверждением “неоднозначности” позиции бугинцев стало нападение группы их барантчей на русскую почту в горном проходе р. Шаты [7, с. 69]. Участник экс-

педиции Ч. Валиханов отмечал, что при проезде через айлы кыргызы очень боялись русских и кидались при виде их в юрты с криком: “Урус! Урус!” Также он пишет следующее: “Мы простились добрыми друзьями (с Боромбаем – В.Я.), хотя через 2 дня возникли недоразумения, ненормальные в отношениях не только друзей, но вообще знакомых людей” [1, с. 196–197]. В то же время, как пишет Хоментовский, бугу “с недоверчивостью смотрят на запрещение ездить на баранту к сарыбагышам. Требуют совместных действий, но не понимают, что после ухода отряда, а они сами этого хотят, опять начнется война с весьма пагубными для бугу последствиями” [1, с. 203–204]. Что и произошло осенью, и бугу вновь откочевали в районы Каркары и Текеса, снова признав себя китайскими подданными [6, с. 161]. Тогда же их посетил П.П. Семенов, который посчитал, что бугу – не российские подданные, и после возвращения в Омск советовал Гасфорду немедленно принять их в подданство, а за ними – и сарыбагышей [10, с. 269].

Весной 1857 г., несмотря на присутствие небольшого отряда П.П. Семенова, бугу снова потерпели поражение от сарыбагышей и обратились за помощью к китайским властям [6, с. 165]. К лету под давлением российских властей сарыбагыши согласились решить мирным путем конфликт с бугу.

По предложению начальника Алауавского округа Перемышльского арбитром в деле разрешения споров между бугу и сарыбагышами был назначен султан Тезек, которому рекомендовалось “решая дела между бугу и сарыбагышами по справедливости, иметь в виду более пользу бугинцев” [1, с. 216].

Ситуация на севере Кыргызстана стала меняться в 1858 г., когда в Коканде к власти пришел энергичный правитель Малля-хан, который стал готовиться к крупномасштабным операциям против России. Для этого было необходимо создать базу в Чуйской долине и соответственно поставить под жесткий контроль сарыбагышей и солто, что и было сделано в короткий срок. Уже в 1858 г. сарыбагыши и солто разоряли айлы российских казахов при поддержке кокандского отряда [6, с. 215].

Помимо этого, чтобы склонить казахов на сторону Коканда, к ним были посланы Шабдан, родственник Джангарача – Бошкой и сын Джангарача – Чолпонбай [7, с. 94]. Тогда же сарыбагыши разграбили торговый караван русских купцов [6, с. 215]. Как видно, Джангарач и Джантай уже забыли, что за полтора года до этого они называли себя российскими подданными. Такая же “гибкая” позиция была и у бугу, которые, когда в 1858 г. умер Боромбай, отправили посланцев в Ташкент

[7, с. 89]. Правда, вскоре на Иссык-Куль прибыл есаул Варагушев, который летом помог бугу разбить сарыбагышей [7, с. 97].

1859 г. прошел в основном без особых событий: и кокандцы, и русские готовились к решающим столкновениям. Пользуясь тем, что бугу продолжали отказываться от постройки на Иссык-Куле укрепления, осенью к ним прибыли, практически одновременно, китайцы и кокандцы для сбора налогов [7, с. 119]. В ноябре же этого года сарыбагыши напали на казахов, подданных России, и угнали у них много скота [6, с. 179].

В начале 1860 г. Малля-хан подарками и обещаниями добился расположения к себе Джангарача, Байтика, Джантая, Мураталы и многих других манапов [6, с. 184]. Результатом же стал вскоре набег сарыбагышей на казахов Старшего жуза, у которых было угнано значительное количество скота, после чего нападшие ушли в кокандские пределы, чтобы избежать наказания [11, л. 230]. В марте бугу вновь отправили своих представителей в Коканд с подарками хану и обещали выплатить зякет [7, с. 125]. После чего прибывший на озеро кокандский отряд собрал зякет и начал строить укрепления на р. Кызыл-Суу, причем кокандцам активно помогали манапы Мураталы, Тилекмат и Чонкарач [7, с. 133].

В определенной степени причиной “шатания” бугу являлось то, что в течение двух лет после смерти Боромбая у них не было старшего манапа, утвержденного российскими властями. Прибывший вскоре на Иссык-Куль отряд Жеребятъева, разрушив укрепление, тем не менее отмечал, что влияние кокандцев на бугу гораздо сильнее, чем предполагалось [7, с. 130]. В связи с этим Гасфорд высказывал опасение, что за теми манапами, которые перешли на сторону кокандцев, могут последовать и другие, поэтому надо “восстановить наше влияние на озере, заметно поколебленное кокандцами” [1, с. 227]. С этой целью был послан дополнительно отряд Венюкова, в инструкции которому говорилось передать бугинским манапам, что если они будут на стороне кокандцев, то потом сильно пожалеют об этом [7, с. 132]. Для укрепления российской власти среди бугу первым делом был избран новый старший манап Качибек Шералин, который с юности ориентировался на Россию (участвовал в посольстве 1814 г. в Омск), а такие влиятельные манапы как Сарпек Саскин и Балбай Исходжин клятвенно обещали полностью ему подчиняться, впрочем, как показали последующие события, их обещания мало чего стоили [12, л. 1].

В это же время в Пишпек прибыло кокандское войско, организовавшее ряд нападений на русское укрепление Кастек в июле 1860 г., в которых уча-

ствовали многие сарыбагышские и солтинские манапы, в том числе Джантай и Байтик [6, с. 194]. В ответ в конце августа отряд полковника Циммермана пришел в Чуйскую долину и разрушил крепости Пишпек и Токмак, при этом казахам Тезека, сопровождавшим русские войска, был отдан приказ отбирать скот у тех кыргызов, кто участвовал в нападениях на Кастек [7, с. 150]. Это произвело впечатление на манапов, особенно на Джангарача, который сразу выразил, в очередной раз, “горячее” желание перейти в российское подданство [1, с. 234]. Однако подобные просьбы быстро забылись, когда в Пишпек в октябре прибыл ташкентский наместник Канаат-ша и все манапы, которые еще месяц назад хотели войти в русское подданство, теперь поддерживали кокандцев и приняли участие в походе на Узун-Агач [6, с. 202]. Кстати, узнав о контактах Джангарача с русскими, Канаат-ша возложил на его род все издержки по восстановлению Пишпека и в виде штрафа было взято 400 лошадей, а с каждого аила – по 2 капа (мешка) проса, что очень не понравилось манапу [1, с. 245].

После разгрома при Узун-Агаче кокандцев начальник Алатавского округа Колпаковский, учитывая обиду Джангарача на кокандцев, предложил ему перейти на российскую территорию и там кочевать [13, л. 7–8]. Конечно, Джангарач согласился, но одновременно поддерживал дружеские отношения с кокандцами, так как его личный враг – Канаат-ша впал в немилость после поражения [7, с. 166]. С целью привлечь сарыбагышей на свою сторону Колпаковский развил бурную переписку в декабре с их манапами. Сначала по приглашению в Верный прибыл Менде, который вроде бы не участвовал в походе на Узун-Агач и дружелюбно относился к русским [1, с. 251]. После чего было отправлено письмо Худояру, в котором говорилось, что “недавно узнал, что родович твой, Джантай, начал тебя притеснять и именно за то, что ты не разделяешь его желаний давать сартам (кокадцам – В.Я.) зякет... Джантай, может быть, богаче тебя, так и пусть им платит зякет, а ты соединишься с Менде и ничего никому не плати... Соединишься с Менде и кочуй с ним вместе, а если у вас там мало зимовок, приходите сюда. Я дам вам земли” [14, л. 6]. 30 декабря 1860 г. Колпаковский обещает сарыбагышским манапам Адилю, Аджи, Рыскулбеку и Калыгулу защиту от кокандцев, если они будут верны России [1, с. 251]. Несмотря на все эти призывы, манапы продолжали ориентироваться на кокандцев, и даже “дружелюбный” Менде после возвращения из Верного сразу поехал в Пишпек, чтобы донести о русских приготовлениях [1, с. 251]. Видя, что без демонстрации силы

манапов не пронять, 10 января 1861 г. отряд есаула Бутакова разгромил 5 аилов сарыбагышей, которые участвовали в походе кокандцев [6, с. 213].

В то же время, когда осенью 1860 г. происходили вышеуказанные события, бугу, воспользовавшись тем, что внимание русских властей было отвлечено в Семиречье, опять стали выгадывать между Кокандом, Россией и Китаем, несмотря на наличие старшего манапа Качибека, настроенного пророссийски, впрочем, он уже был стар и болен, поэтому перестал пользоваться влиянием среди своих соплеменников. Исходя из этого Гасфорд указывал Колпаковскому, что следует поддерживать распри между дулатами (казахи – российские подданные) и бугу, что приведет в конечном итоге к усилению влияния России [7, с. 166]. Однако, несмотря на это, в мае 1861 г. кокандцы опять прибыли на озеро и собрали зякет с бугу, в чем им содействовали некоторые манапы, в том числе Муратали и Тилекмат [7, с. 177].

В апреле 1861 г. к Колпаковскому обратились с просьбой о принятии в подданство России манапы чериков (Нарынский край) Турдуке Маматов и Керимбек Сазанов, но ввиду того, что их кочевья находились далеко от российской территории, их просьба не могла быть удовлетворена в то время [15, л. 92]. С другой стороны, к тому времени накопилось такое количество подобных просьб от кыргызов, что российские власти фактически перестали принимать их всерьез. В этой связи интересно письмо Канаат-ша Колпаковскому в мае 1861 г., в котором он говорил, что не надо доверять кыргызам, которые не желают ничего подданства, а пытаются стравливать Коканд и Россию, и что им он ни в чем не верит, что советует делать и Колпаковскому [6, с. 219]. Действительно, практически весь 1861 г. происходили столкновения казахов с кыргызами, в которых на стороне своих подданных казахов иногда выступали русские войска [7, с. 179]. В результате уже в августе сарыбагышские манапы Рыскулбек, Худояр и Тлеукобыл выразили желание войти в дружественные отношения с русскими и жить мирно, при этом прислали заложников [1, с. 254].

Осенью 1861 г. кокандцы опять прибыли на Иссык-Куль и стали собирать зякет с бугу. Колпаковский просил Качибека ни в коем случае не допускать этого, но эта просьба оказалась безрезультатной, так как не была подкреплена русским отрядом [7, с. 179]. Воспользовавшись этим, бугу совершили ряд набегов в феврале в 1862 г. на казахов Старшего жуза [7, с. 181].

Таким образом, российские власти, используя междоусобицы казахов с кыргызами, добились того, что казахи Старшего жуза, твердо поддерживаемые Россией, окончательно отошли от Ко-

канда и тем самым была создана крепкая тыловая база для последующего наступления в Чуйскую и Таласскую долины, что, в свою очередь, ставило сарыбагышей и солто между Кокандом и Россией в предстоящих военных операциях, а с учетом несомненного военного превосходства русских войск неизбежно вело их к принятию подданства России, без каких-либо остатков автономности. Впрочем, большинство манапов все еще надеялись сохранить свою власть в кочевьях. Первым, кто сделал правильные выводы из сложившейся обстановки, был Джантай, чьи кочевья непосредственно примыкали к российским границам. Правда, этому способствовало то обстоятельство, что он (род тынай) поссорился с другими сарыбагышскими родами (темир и булат), “поэтому он прибыл в Верный, заявив, что его род принимает русское подданство, и просил оказать ему помощь против темир-булатовцев” [16, с. 52]. К осени 1862 г. было принято решение российскими властями перейти к реальному вхождению кыргызских племен в российское подданство, в первую очередь кочевавших в Чуйской долине. В это же время влиятельный манап солто Байтик убил в своем аиле коменданта Пишпека Рахматуллу. По одной из версий это было сделано по приказу кипчаков, пришедших к власти в Коканде после убийства Малля-хана [17, л. 280], а по другой – за то, что Рахматулла сделал из его сына Байсала бачу [18, с. 34]. При этом Колпаковский отмечал тогда, что “усердие, преданность и открытая вражда Байтика к сартам выходят из рода обыкновенного” [1, с. 261]. После этого Байтик послал письмо в Верный, в котором просил о принятии в подданство [18, с. 34]. Поэтому когда вскоре к Пишпеку двинулся отряд Колпаковского, то Байтик присоединился к русскому отряду. Тогда же другой новый “подданный” Джантай, с целью показать свою преданность, захватил Токмак, в котором, правда, было всего несколько кокандцев, остальные успели разбежаться [1, с. 258]. Как писал Проценко: “В 1862 г. неожиданное движение русских в тыл Пишпека и Мерке заставило всю чуйскую орду врасплох, и киргизы изъявили покорность... и даже тот род, который в 1860 г. высылал свои толпы из гор, и тот был с нами в приязни” [19, л. 19]. При этом “киргизы откровенно говорили, что кто победит, русские или сарты, тому они и будут повиноваться [19, л. 19]. Наиболее “последовательным” в этом отношении оказался Джангарач, который благодаря печальному опыту 1860 г. уже не торопился с изъявлением дружбы к русским и поэтому во время осады 1862 г. помогал кокандскому гарнизону, резонно считая, что несмотря на то, что он столько раз предавал русских, и тем не

менее никаких материальных санкций от них не следовало, в отличие от кокандцев [1, с. 261].

Таким образом, можно сделать вывод, что 1862 г. стал переломным в развитии кыргызско-русских отношений, так как начался процесс реального закрепления кыргызских территорий за Россией и отказ от политики удовлетворения номинальным подданством и сопутствующими ему бесконечными просьбами о нем, которые писались манапами в целях лавирования между Россией, Кокандом и Китаем, при этом они рассчитывали сохранить всю полноту власти в своих кочевьях.

Литература

1. Кыргызстан – Россия. История взаимоотношений (XVIII–XIX вв.): Сборник документов и материалов / отв. ред. акад. НАН КР В.М. Плоских. Бишкек, 1998.
2. Венюков М. Путешествия по окраинам Русской Азии и записки о них / М. Венюков. СПб, 1868.
3. Распоряжение командира Сибирского корпуса начальнику Алауавского округа. 5 мая 1858 г. // ЦГУ РУз. Ф. 715. Оп. 1. Д. 19.
4. Описание кокандской военной линии на р. Чу. 1860 г. // ЦГА КР. Ф.и. 75. Оп. 1. Д. 51.
5. Против маоистских фальсификаций истории Киргизии / авт. кол. М.Я. Сушанло, Б.П. Гуревич, В.М. Плоских, Г.П. Супруненко; науч. ред. К.К. Каракеев. Фрунзе, 1981.
6. Джамгерчинов Б.Д. Присоединение Киргизии к России / Б.Д. Джамгерчинов. М., 1959.
7. Джамгерчинов Б.Д. Очерки политической истории Киргизии XIX века / Б.Д. Джамгерчинов. Фрунзе, 1966.
8. Письмо Джантая и Джангарача приставу Б.О. Хоментовскому. Начало 1856 г. // ЦГУ РУз. Ф. 715. Оп. 1. Д. 17.
9. Донесение командира Сибирского корпуса военному министру. 11 января 1856 г. // ЦГУ РУз. Ф. 715. Оп. 1. Д. 17.
10. Семенов-Тянь-Шанский П.П. Путешествие в Тянь-Шань / П.П. Семенов-Тянь-Шанский. М., 1958.
11. Письмо генерал-губернатора Западной Сибири Гасфорда к Оренбургскому генерал-губернатору Катенину. 2 марта 1860 г. // РГВИА. Ф. 1441. Оп. 1. Д. 76.
12. Письмо манапов иссыккульских киргизов генерал-губернатору Гасфорду об избрании старшим манапом Качибека Шералина. 13 июля 1860 г. // ЦГА РК. Ф.и. 3. Оп. 1. Д. 412.
13. Письмо начальника Алауавского округа Колпаковского султинскому манапу Джангарачу. 1 декабря 1860 г. // ЦГА РК. Ф.и. 3. Оп. 1. Д. 402.
14. Письмо начальника Алауавского округа Колпаковского сарыбагышскому манапу Худояру. 1 декабря 1860 г. // ЦГА РК. Ф.и. 3. Оп. 1. Д. 402.
15. Письмо манапов чериков Турдуке Маматова и Керимбека Сазанова к Колпаковскому // ЦГА РК. Ф.и. 3. Оп. 1. Д. 167.
16. Бартольд В. Киргизы / В. Бартольд. Фрунзе, 1927.
17. Письмо командира Сибирского корпуса А.О. Дюгамеля военному министру Д.А. Милютину об осаде Пишпека и Токмака. 19 сентября 1862 г. // ЦГУ РУз. Ф. 715. Оп. 1. Д. 26.
18. Талызин А. Пишпекский уезд. Исторический очерк (1855–1868 гг.) / А. Талызин // Памятная книжка Семиреченского областного статистического комитета на 1898 г. Т. 2. Верный, 1898.
19. Причуйская страна. 1862 г. (сост. Штабс-капитаном Проценко по рекогносцировке 1862 г.) // РГВИА. Ф. 400, Азиатская часть. Оп. 1911 (2). Ед. хр. 42.